
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

А.Г. Мосин

ПЕРВУША – ДРУЖИНА – ТРЕТЬЯК: К ВОПРОСУ О ФОРМАХ НЕКАНОНИЧЕСКОГО ИМЕНИ ВТОРОГО СЫНА В СЕМЬЕ ДОПЕТРОВСКОЙ РУСИ

Система имен в Древней Руси, как известно, характеризуется одной важной особенностью: наряду с каноническими именами, получаемыми при крещении, многие люди имели и другие, неканонические имена, дававшиеся в семьях и потому нередко определяемые как внутрисемейные¹. В числе последних особое место занимает группа имен, отражающих порядок рождения сыновей в семье. Исходные и производные формы этих имен донесли до нас образованные от них фамилии: *Первой* – Первов, Первущин, Первухин, Первунин, Первенцев; *Второй* и *Другой* – Второв, Вторушин, Другов, Друганов, Друганин; *Третьяк* – Третьяков, Третьячков, Третюхин, Третилов, Трешников, Третников; *Четвертой* – Четвертов, Четвертаков, Четверкин, Четверухин, Четвериков, Четыркин; *Пятой* – Пятов, Пятаков, Пятачков, Пятунин, Пятьшев; *Шестой* – Шестов, Шестаков, Шестунов, Шестухин, Шестериков, Шестеров; *Семой* – Семов, Семяхин, Семиков; *Осмой* – Осьмов, Осьмаков, Осмухин, Осминин, Осмеркин; *Девятой* – Девятов, Девяткин, Девятков, Девятнин; *Десятой* – Десятов, Десяткин².

Имя Дружина в этом ряду до сих пор упоминалось лишь однажды, вскользь, без какой-либо аргументации³. Данное сообщение как раз и посвящено обоснованию возможности рассмотрения имени Дружина как производной формы имени Другой, дававшегося второму по порядку рождения сыну в семье.

Традиционное на сегодня объяснение имени – из нарицательного *дружина*, наиболее полный свод значений которого представлен В.Ф. Житниковым: «друг», «подруга»; то же, что *дружка* – «одно из лиц народного свадебного обряда», «распорядитель на свадьбе» («Словарь русских народных говоров»); «товарищи», «спутники»; «военный отряд», «войско»; «ближайшие к князю люди»; «община»; «товарищ», «товарка» («Словарь русского языка XI–XVII вв.»); «супруга», «жена»; «друг, подруга» (Даль В. «Толковый словарь живого великорусского языка»)⁴.

Трактовка имени другими исследователями русских фамилий, как

правило, не выходит за эти рамки, ограничиваясь одним или несколькими значениями: «Слово “дружина” означало не только отряд, но и друг, товарищ; именно в этом последнем значении слово и использовалось как личное имя»⁵; «Слово *дружина* в старину означало не только военный отряд, но и жену, супругу, друга, товарища. В этом значении оно стало популярным личным именем, так же, как Держава и Добрыня»⁶; «*Дружина, Друг* – в старину это были довольно распространенные имена-прозвища. В церковнославянском языке слово *дружина* означало *супруга, жена, товарищ*. В новгородских диалектах *дружиной* называли *артель, ватагу*, в псковских – *войско, рать*»⁷; Дружина – «древнерусское нецерковное имя, означавшее не только “отряд”, но и “друг”, “товарищ”»⁸.

Некоторые авторы, не приводя конкретных значений имени Дружина, рассматривают его и образованную от него фамилию в определенном ряду имен и фамилий, что позволяет судить об их точке зрения по этому вопросу: Б.-О. Унбегаун относит фамилию к числу отражавших «предчувствия или желания родителей относительно поведения ребенка в будущем» – таких, как Любимов, Незлобин, Смирнов и др.⁹; Г. Я. Сими́на приводит имя (в форме Дружинка) среди имен, дававшихся по поведению или характеру ребенка¹⁰; А. В. Суперанская и А. В. Сусллова открывают им перечень «традиционных русских имен»: «Дружина, Воин, Держава, Дорога, Гром, Гроза, Неделя, Забота и т. п.»¹¹. Наконец, Е. Н. Полякова не дает никакого объяснения имени – ни прямого, ни косвенного¹².

Таким образом, исследователи и авторы популярных этимологических словарей фамилий выводят имя Дружина из *друг, дружить*, не пытаясь установить этимологическую связь со словом *другой*¹³. Между тем, в словаре В. И. Даля читаем: друг – «другой, в знач[ении] такой же, равный, другой я, другой ты; ближний, всякий человек другому», другой – «следующий за первым, второй: *первый, другой, третий*»; примечательны производные от *другой*, которые нередко (как будет показано ниже) связывают с *друг, дружить*: другак – «*другак и первак* (орл.) – два разбора хлебн[ого] зерна, особо отвеваемые из чела и *озадка*»; «второй рой в лето из улья, второй вывод»; «*лук другак*, лук репчатый, на другой год росле *первака: третьяк* уже плоховат, а далее *четвертака* он не идет»; друган – «второй налив пива или квасу, жидкая, расхожая бражка, второго налива, уже по спуске сусла; такой же квас или булыч»; другач – «вещь или товар второго разбора, как *первач* первого, *третьяк* третьего»; «*мука первач*, первого размола; *другач*, второго, вторичного, перемолотые высевки *первача*»¹⁴.

Фамилии Другов, Друганов и Друганин рассматриваются Б.-О. Ун-

бегауном, а вслед за ним Е.А. Грушко и Ю.М. Медведевым как производные от имени Другой, правда, с оговоркой, что они могли произойти также от слова друг¹⁵. Еще шире круг фамилий, предположительно выводимых из имени Другой, в словаре Т.Ф. Вединой: «Возможно, что фамилии **Друганин, Друганкин, Друганов, Другин, Другов** образовались от понятия *другой* в смысле *второй*, и тогда они попадают в одно гнездо с **Второвыми** и **Вторушкиными**. Однако с таким же основанием можно считать прародителем этих фамилий самобытное русское имя *Друг* и его просторечную форму *Друган*»¹⁶. В последнем случае автор явно опирается на мнение А.М. Селищева, однозначно выводящего именование Друган из Друг¹⁷. Н.М. Тупиков имена Другой и Друган рассматривает в качестве самостоятельно употреблявшихся русских имен¹⁸.

Высказывая предположение, что фамилии Дружинин, Другов, Друганин, Друганов, Другинин образованы от разных форм неканонического имени Другой, обратимся к анализу известных на сегодня случаев фиксации этих форм в источниках XVI–XVII вв.

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что по документам известен всего один случай бытования имени в его исходной форме: Другой Тимофеевич Рындин был дьяком при Лжедмитрии и думным дьяком в ополчении князя Д.Т. Трубецкого в 1611 г.¹⁹

Форма Друган (Друганко) фиксируется намного чаще: *Друган Федоров сын Негоновской, боярский сын в Торжке, 1585; Друганко Иванов, московский стрелец, 1605; Друганко Мартельянов, крестьянин в Деревской пятине, 1613; Друганко Борисов, крестьянин, сев.-вост., 1614; Друган Прокопьев, якутский казачий пятидесятник, 1676*²⁰; *Друган кн. Дмитрий Михайлович Приимков-Ростовский, 1571; Емельян Михайлов Друган, холоп, 1603, Новгород; Друган Данилов Глухарев, посадский человек, 1614, Тверь; Друган Луцихин, посадский человек, 1614, Тверь*²¹; *Ивашко Друганов Юрьев, тюменский посадский, 1623*²². Возможно, не случайно половина этих примеров локализуется на тверских и новгородских землях.

В «Ономастиконе» С.Б. Веселовского приводится также форма Другиня того же имени: *Другиня Полуект Полуектович Каменский, первая половина XV в.; Другиня Третьяков Растопчин, 1564*²³. В последнем примере, возможно, нашла отражение родовая традиция Растопчиных давать сыновьям внутрисемейные имена по порядку их рождения.

Именование Друг, по всей видимости, могло быть как производной формой имени Другой или самостоятельным именем, так и прозвищем, причем из приводимых в словарях примеров его бытования не всегда ясно, как обстояло дело в каждом конкретном случае: *Федко Друг*,

крестьянин, XV в., сев.-вост.; Друг Ларкин, крестьянин Белозерского уезда, 1534; Друг Семенов сын Образцова, крестьянин, сев.-вост.; Иван Дружко, московский торговый человек, 1566²⁴; Друг Воинович Ильин, 1599, Кашира²⁵.

В отличие от различных форм имени Другой, имя Второй и его производные формы трактуются исследователями и авторами популярных словарей однозначно. Объясняя фамилию Второв, Т.Ф. Ведина пишет: «Основой этой и близких к ней фамилий послужило мужское имя Второй: в старину было принято, не мудрствуя лукаво, называть детей по порядку их рождения. Ласково ребенка с таким именем называли *Вторуша, Вторышка, Вторец, Вторуня*. Отсюда фамилии **Вторецкий, Вторунин, Вторушин, Вторушкин, Вторышкин**»²⁶.

Имя Второй (в том числе в производных формах: Вторко, Вторец, Вторушка, Вторышка/-о) встречается в документах намного чаще, чем Другой (со всеми производными формами, безусловными и предположительными): в словаре Н.М. Тупикова приведен 31 пример, относящийся ко времени между 1566 и 1684 гг., причем 26 из них укладываются в чуть более чем полувековой хронологический промежуток – с 1598 по 1651 гг.²⁷ В «Ономастиконе» С.Б. Веселовского имя Второй встречается четырежды, время фиксации – с 1573 по 1603 гг.²⁸; кроме того, во второй половине XVI – первой половине XVII вв. под этим именем известны девять дьяков и подьячих²⁹.

Сравнивая частотность фиксации имени второго сына в семье (в обоих известных вариантах основной формы – Второй и Другой) с соответствующими показателями других имен из первой по порядку очередности тройки (Первой/Первуша и Третьяк), мы обнаружим, что последние встречались в документах XVI–XVII вв. намного чаще. Здесь необходимо привести наблюдение Б.-О. Унбегауна, отметившего странную аномалию в показателях частотности числовых имен, но не предложившего удовлетворительного объяснения этому явлению: «Казалось бы, частотность этих имен, равно как и фамилий, образованных от них, логически должна быть обратно пропорциональна их числовому значению. Как ни странно, это не так. На основании материала, собранного Н.М. Тупиковым, устанавливается следующая частотность числовых фамилий (в порядке убывания): III, I; затем V, VI, II, IV; затем IX, VII; и наконец X, VIII. В связи с этим фактом встает вопрос, не развились ли позднее числовые имена в независимые именованья безотносительно к очередности рождения? Если так, то ситуация оказывается сходной с ситуацией в Древнем Риме, где Quintus, Sextus, Decimus были родовыми римскими именами, в то время как другие были связаны с названием

местности, а Quartus и Nonus, кажется, никогда не встречались»³⁰.

Сразу заметим, что предположение Б.-О. Унбегауна о трансформации русских числовых имен «в независимые именованья безотносительно к очередности рождения» не имеет под собой никаких оснований, в частности, не подтверждается данными источников, – напротив, есть все основания утверждать, что во все время их употребления они в полной мере сохраняли свою изначальную смысловую нагрузку. Что же касается «провала» в частотности второго по порядку числового имени, то сделанное нами предположение о значении имени Дружина снимает эту проблему с повестки дня. Для большей наглядности представим данные о первых трех русских числовых именах в таблице, дополнив данные Н.М. Тупикова материалами из «Уральского исторического ономастикона», подготовленного автором данного сообщения к публикации³¹.

Таблица

ЧАСТОТНОСТЬ ПЕРВЫХ ТРЕХ РУССКИХ ЧИСЛОВЫХ ИМЕН
(по данным словаря Н.М. Тупикова и «Уральского исторического ономастикона»)

Имя (основная и производные формы)	Словарь Н.М. Тупикова	«Уральский исторический ономастикон»
Первой (Первуша, Первушка, Первышка)	77	76
Второй (Вторко, Вторушка, Вторышка/-о)	31	7
Другой (Друган, Друганко)	6	1
Дружина (Дружинка)	70	30
Всего:	107	38
Третьяк (Тренка, Треня, Третьячко)	133	103

Если высказанное нами предположение о происхождении имени Дружина верно, то картина, представленная Б.-О. Унбегауном, существенно корректируется, а именно: имя второго сына, имевшее две основных формы (Второй и Другой), уверенно занимает в частотном списке числовых имен подобающее ему второе место. Что же касается других,

менее значительных аномалий в распределении имен по группам и внутри групп, то это может быть объяснено как недостаточностью исторического материала (неполнота фиксации имен в источниках), так и иными обстоятельствами бытования имен, в том числе психологическими: первенцы в семье могли получать числовые имена реже третьих сыновей именно потому, что они были первыми, из чисто суеверных соображений (свою роль могло сыграть также сакральное значение числа три), четные числа в целом отражались в именах реже нечетных (исключение здесь представляет, пожалуй, только имя Шестой/Шестак), и т.д. Прояснение и убедительное обоснование всех этих обстоятельств должно стать предметом отдельного исследования, проводимого на обширном историческом материале.

Обстоятельный свод данных об имени Дружина, представленный в словаре Н.М. Тупикова (70 случаев фиксации), а также материалы «Уральского исторического ономастикона» (30 случаев) и книг С.Б. Веселовского «Ономастикон» и «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.» (соответственно 22 и 14 случаев) позволяют сделать некоторые наблюдения относительно времени, географии, социальной среды его распространения и некоторых иных условиях бытования³².

Наиболее раннее упоминание имени в источниках относится к началу XVI в.: *Дружина Алексеевич Лихачев, 1506*³³. Абсолютное большинство всех случаев фиксации имени приходится на время с 1550 по 1650 гг.: в словаре Н.М. Тупикова – 55 из 70, в «Ономастиконе» – 21 из 22, в «Дьяках и подьячих XV–XVII вв.» – 13 из 14, в «Уральском историческом ономастиконе» – 22 из 30; позднейшие даты – 1680 и 1682 гг. Снижение случаев фиксации числовых имен во второй половине XVII в. прослеживается и на именах Первой (Первуша) и Третьяк (Тренка): в «Уральском историческом ономастиконе» – соответственно 14 из 76 и 18 из 103.

Выделить какие-то регионы, где имя Дружина фиксировалось сравнительно чаще, чем в других, затруднительно; то, что 5 из 22 случаев из «Ономастикона» относятся к Нижнему Новгороду и Арзамасу, могло быть вызвано субъективными обстоятельствами использования составителем преимущественно тех или иных комплексов источников, непропорциональным отбором имевшегося в его распоряжении материала и т.д. Однако уже сам факт наличия 30 статей в «Уральском историческом ономастиконе» свидетельствует о перспективности региональных исследований, а проведение подобных разысканий на материалах различных регионов сделает в дальнейшем выводы о пространственных особенностях распространения имени более обоснованными.

Социальная среда бытования имени чрезвычайно разнообразна: преобладают крестьяне, служилые (стрельцы, казаки, дети боярские) и приказные служители (дьяки, подьячие), нередко помещики, посадские и мещане, встречаются бояре, воеводы и др. Оценивая степень распространённости имени в различных слоях общества, необходимо учитывать не только абсолютные показатели, но и численность соответствующих групп населения. Обращает на себя внимание высокая частотность имени Дружина среди дьяков и подьячих.

На Урале зафиксированы случаи, когда имя Дружина носили представители коренных уральских народов: *Пуца Касманов, прозвищем Дружинка, ясачный вогул (манси) на р. Ляле, 1626³⁴; Дружинка Келдышев, остяк (ханты) из числа лучших людей Ляпинской волости, 1663³⁵.*

В некоторых случаях документы содержат сведения и о каноническом имени человека, прозванного в семье Дружиной: *Семен (Семейка) Дружина Головин сын Кречатников, подьячий, 1551-66; Дружина Фома Пантелеевич Петелин, дьяк, 1578–98³⁶; «Аристок Иванов Белозерец, прозвище Дружинка» (Дружинка Иванов Белозерец), тюменский посадский, 1623–24³⁷; Онтипка, прозвище Дружинка, беглый человек, сев.-вост., 1629; «Потапко Иванов прозвище Дружинка», курмышский крестьянин, 1631; «Давидко прозвище Дружинка Минин», крестьянин Каширского уезда, 1631; «Ивашко, а прозвище Дружинка Галахтионов», белозерский крестьянин, 1638³⁸; Антонко прозвище Дружинка Иванов сын Баландин, 1647³⁹; «Емелка Иванов Пиняженин, а Дружинка он же», оброчный крестьянин Ирбитской слободы, 1666⁴⁰.*

Особый интерес представляют сведения источников, позволяющие увидеть, хотя бы предположительно, в имени Дружина числовое имя второго по порядку рождения сына в семье: *Дружина Пустобояров, стряпчий Сытного дворца, 1620, Дмитров; ср.: Пятый Пустобояров, царский сытник, 1573⁴¹; «Ортюшка Шувель з детми с Ывашком да з Дружинкою да с Любимком», пашенные крестьяне из деревни ямщика Якунки Половинки в округе Туринского острога, 1624⁴²; «Фролко Сергеев сын Загайнов, родился-де он на Верхотурье, у него дети: Гришка, Дружинка, Лучка десяти лет, Савка восьми лет», крестьянин Усть-Ирбитской слободки в Верхотурском уезде, 1680⁴³.* К сожалению, такого рода «подсказки» встречаются в источниках нечасто; например, для имени Второй в словаре Н. М. Тупикова приводится всего один подобный случай: *Дмитрей да Второй Ратаевы дети Окинфова, жильцы, в Москве, 1577⁴⁴.*

Можно предположить, что с именем Другой в практике повседневного его применения случилось то же, что и с большинством других числовых имен: в документах XVI–XVII вв. имя Первой чаще фигу-

рирует в форме Первуша (Первушка), Шестой – в форме Шестак, и т.д. Что же касается имени третьего сына в семье, то форма Третьяк не просто утвердилась в виде основной, но и совершенно вытеснила из обихода исходную форму Третий, практически не встречающуюся в источниках.

В заключение отметим, что убедительно подтвердить или обоснованно опровергнуть высказанное нами предположение о принадлежности имени Дружина к ряду числовых имен со значением «второй по порядку рождения сын в семье» может только привлечение к исследованию новых исторических материалов, и прежде всего данных, добытых в ходе региональных исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В работах разных авторов можно встретить и другие определения этих имен: нецерковные (В.А. Никонов, Ю.А. Федосюк, Д.Я. Резун), некалендарные (Е.Н. Полякова), мирские (Е.А. Грушко и Ю.М. Медведев). В дальнейшем мы будем пользоваться термином *неканонические* (реже, как синоним – *внутрисемейные*) имена.

² Список фамилий (разумеется, далеко не исчерпывающий) приводится по кн.: *Унбегаун Б.-О.* Русские фамилии. 2-е изд., испр. М., 1995. С. 163. Автор оговаривается, что некоторые фамилии могли иметь и другое происхождение: Друганин – от *друг*, Пятаков – от *пятак* (пять копеек), Шестов – от *шест*, Семов, Семяхин и Семиков – от уменьшительных форм имени *Семен*.

³ См.: *Мосин А.Г.* Уральские фамилии: Материалы для словаря. Т. 1: Фамилии жителей Камышловского уезда Пермской губернии (по данным исповедных росписей 1822 года). Екатеринбург, 2000. С. 110.

⁴ *Житников В.Ф.* Фамилии уральцев и северян: Опыт сопоставления антропонимов, образованных от прозвищ, в основе которых лежат диалектные апеллятивы. Челябинск, 1997. С. 83–84.

⁵ *Федосюк Ю.А.* Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1996. С. 79.

⁶ *Грушко Е.А., Медведев Ю.М.* Словарь фамилий. Нижний Новгород, 1997. С. 152.

⁷ *Ведина Т.Ф.* Словарь фамилий. М., 1999. С. 106.

⁸ *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 56.

⁹ *Унбегаун Б.-О.* Русские фамилии. С. 164.

¹⁰ *Симина Г.Я.* Фамилия и прозвище // Ономастика. М., 1969. С. 28.

¹¹ *Суперанская А.В., Суслова А.В.* Современные русские фамилии. М., 1981. С. 30.

¹² *Полякова Е.Н.* К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997. С. 74.

¹³ О первоначальной тождественности *другой* и *друг* см.: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1: А – Д. М., 1964. С. 543.

¹⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1: А – З. М., 1994. С. 495.

¹⁵ Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. С. 163; см. также: Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь фамилий. С. 104, 320.

¹⁶ Ведина Т.Ф. Словарь фамилий. С. 105.

¹⁷ См.: Селищев А.М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968. С. 121.

¹⁸ См.: Туников Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903. С. 8.

¹⁹ См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 455; Туников Н.М. Словарь ... С. 135.

²⁰ Туников Н.М. Словарь ... С. 135.

²¹ Веселовский С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 79, 101, 187.

²² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 507.

²³ Веселовский С.Б. Ономастикон... С. 101.

²⁴ Туников Н.М. Словарь ... С. 135.

²⁵ Веселовский С.Б. Ономастикон... С. 101.

²⁶ Ведина Т.Ф. Словарь фамилий. С. 81. См. также: Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. С. 163; Никонов В.А. Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л. Крушельницкий. М., 1993. С. 28; Федосюк Ю.А. Русские фамилии... С. 60; Грушко Е.А., Медведев Ю.М. Словарь фамилий. С. 104; Суперанская А.В., Суслова А.В. Современные русские фамилии. С. 36.

²⁷ Туников Н.М. Словарь ... С. 98–99.

²⁸ См.: Веселовский С.Б. Ономастикон... С. 217, 229, 256, 379.

²⁹ См.: Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие... С. 73, 141, 163, 217, 417, 539, 574, 579.

³⁰ Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. С. 163.

³¹ Данные из «Уральского исторического ономастикона» приводятся по состоянию на 1 сентября 2000 г., его пополнение продолжается.

³² В ряде популярных словарей фамилий (Е.А. Грушко и Ю.М. Медведева, Т.Ф. Вединой) можно встретить утверждение, что фамилия Друнин образована от уменьшительной формы имен Друг или Дружина; Д.Я. Резун прямо выводит форму Друня из имени Дружина (см.: Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий... С. 56). Осторожнее на этот счет высказывается Ю.А. Федосюк: «Крестьянин Друня Иванов записан в документе 1539 года. Вероятно, уменьшительная форма мирских имен Друг и Дружина; может быть, и от имени Андрон» (Федосюк Ю.А. Русские фамилии... С. 79). Предположение о происхождении формы Друня от имени Андрон (каноническая форма – Андроник) представляется нам более вероятным, поэтому форма Друня в связи с именем Дружина нами не рассматривается.

³³ Веселовский С.Б. Ономастикон... С. 101.

³⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 10. Л. 2.

³⁵ Шишонко В. Пермская летопись с 1263–1881 г. Т. 3: Третий период, с

1645 – 1676 г. Пермь, 1884. С. 718.

³⁶ *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие ... С. 268, 408–409.

³⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 435 об., 504 об.

³⁸ *Тупиков Н.М.* Словарь ... С. 136.

³⁹ *Полякова Е.Н.* К истокам пермских фамилий... С. 74.

⁴⁰ ТГИАМЗ. КП 12692. Л. 231.

⁴¹ *Веселовский С.Б.* Ономастикон... С. 262.

⁴² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5. Л. 591.

⁴³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 697. Л. 722 об.

⁴⁴ *Тупиков Н.М.* Словарь ... С. 98.

С. А. Кудрявцев

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ТИПОЛОГИЕЙ ИНИЦИАЛОВ ОСТРОЖСКОЙ БИБЛИИ*

Многочисленность инициалов и филигранность их исполнения часто отмечаются при характеристике орнаментики Острожской Библии. Однако до настоящего времени в литературе нельзя встретить описание экземпляра, включающее их полистную роспись, точно неизвестно число оттисков (подсчет в разное время производился разными учеными, и полученные результаты между собой несходны), а также количество досок, использованных для их тиражирования. Отсутствуют также убедительные объяснения широкой вариативности рисунков литер, влияния этой вариативности на варианты набора; почти не имеется сведений о восприятии оформления книги, в котором некоторые исследователи усматривают не только строгость, но и простоту¹, ее первыми читателями. Все это вместе не позволяет говорить об изученности орнаментики издания.

Исследований, уделяющих внимание детальному изучению острожских буквиц, очень немного; одной из первых работ в этом роде является книга А.С. Зерновой², где впервые разработана типология рисунков этих украшений.

В Острожской Библии имеется большое количество вариантов каждой инициальной литеры, зачастую эти варианты практически неотличимы. Столкнувшись с такой особенностью издания, А.С. Зернова не пыталась определить число инициальных досок и указывала, что

* При подготовке статьи автор неизменно пользовался советами И.В. Починской, за что искренне ей благодарен.